

ЦЮЙ ЮАНЬ

ЛИ САО

Поэма

в стихотворном переводе
ВАЛЕРИЯ ПЕРЕЛЕШИНА
с китайского оригинала

1975

Дорогим Вioлеттoм и Влoдoм на Юнью
пaмeть oтo пeрeвoдчикa.

ЦЮЙ ЮАНЬ

Вaлeрия Пeрeлeшинa
Рiо Дe Жaкeйрo,
23 сeнтeбрe 1977г.

ЛИ САО

Поэма

в стихотворном переводе
ВАЛЕРИЯ ПЕРЕЛЕШИНА
с китайского оригинала

© by V. Pereleshin, 1975
Printed by Possev-Verlag, V. Goradiek KG.
Frankfurt/Main

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Поэма «Ли Сао», написанная Цюй Юанем около трехсот лет до Р. Х. — великолепная «политико-эротическая элегия», полная аллегорий и символов, но и несравненной красоты.

«Ли Сао» безусловно не «сборник народных песен». Поэма написана одной рукой. В ней есть одна тема: «Ли Сао» значит, приблизительно, «преодолевая скорбь».

Автор «Ли Сао» — Цюй Юань, потомок древних китайских императоров, человек высокой добродетели и незаурядных дарований, выросший в аристократической уверенности, что он призван быть ближайшим помощником, даже руководителем, своего государя. Родившийся в пределах королевства Чу, он стал первым министром короля Хуай-вана. Тщетно он старался доказать королю, что возрастающая мощь королевства Цинь грозила его уделу. Вместо того, чтобы примкнуть к союзу других уделов против Цинь, король колебался, думал только о развлечениях, окружал себя льстецами и женщинами. Отчуждение между королем и Цюй Юанем постепенно привело к разрыву: Цюй Юань был отстранен от должности и изгнан (назначен послом ко двору Цинь!).

Историю своих отношений с королем Цюй Юань изобразил в форме аллегории (которая прочно вошла в китайскую поэзию). Отвергнутый «любовник» отправляется искать по свету (то-есть Китаю) «невесту», то-есть другого государя, которого он мог бы «повести вперед».

Нигде не найдя «невесты», поэт бросается в горную речку Ми-ло и гибнет, подражая древнему герою Пэн Сяню, поступившему точно так же. Хуай-ван вскоре после этого принял приглашение посетить двор Цинь, был там задержан и умер в плену. Через пятьдесят лет удел Чу был поглощен королевством Цинь.

Ежегодно в пятый день пятой луны по всему Китаю устраиваются гонки гребных лодок, украшенных драконьими головами. Рисовое печенье, завернутое в листья банана, бросается в этот день в реки — в жертву Цюй Юаню.

В итоге тщательного исследования и сопоставления различных указаний следует считать, что Цюй Юань родился немного ранее 338 года и был еще жив в 288 году до Р. Х.

Для русского перевода я избрал скорее ритм, чем размер, ибо таким способом лучше передается метрическое разнообразие поэмы. Рифмы в оригинале даны в четных строках только, а все нечетные кончаются одним и тем же восклицанием «си», не нуждающимся в переводе. Многие ботанические названия мною опущены или упрощены.

Валерий Перелегин

ЛИ САО

1

Мой покойный отец, Бай-юн благородный,
Был потомком наших древних царей.
В день Гэн-ин, весной, когда я родился,
Шэ-ти в небе сияла в славе лучей.

2

Посмотрев гороскоп моего рожденья,
Имена младенцу выбрал он, —
Имена Чжэн-цзэ и Лин-цзюнь, и смыслом
Я горжусь благовещих этих имен.

3

Я прибавить сумел к дарам природы
Много личных усилий, долгих трудов,
И расцвел пышней орхидей осенних,
Благовонней трав и гордых цветов.

4

Время мчится, за ним возможно ль угнаться?
Сроки кратки, а мне нужны века!
Что же? Утром с холма принесу магнолий,
Вечеру — сосновых ветвей с островка.

5

Солнце или луна никогда не замедлит бега,
И весна и осень свой помнят чин.
Вот опять засохла трава, и листва опала,
А любимый где-то медлит, и я один!

6

Равнодушный к достойному, склонный к порочным,
Ты бы мог, любимый, исправить свои пути.
Запряги же лучших коней, наверстай же время,
Догони меня, дай мне вперед тебя повести!

7

В старину, при прославленных трех государях,
Было каждому запаху место, был и срок:
Шэньский перец спорил с запахом мальвы, —
Ну, а нынче в моде вечно один цветок!

8

Яо и Шунь, исполины древних преданий,
Повинуясь природе, преуспевали всегда,
А подобные Цзе и Чжоу безумные люди
Ускоряли гибель, мечась туда и сюда!

9

А приверженцы их гнались за одной забавой
И теряли пути, и во мраке шли ко дну.
Я же — разве за жизнь я свою тревожусь?
Страшно мне за правителя и за мою страну.

10

Я растерян. Бежать ли вперед, назад ли,
Чтоб былых государей найти размах?
О, любовь моя, загляни в это сердце!
Но с тобой клеветник, и гнев у тебя в глазах!

11

Знаю, знаю: опасно быть откровенным.
 Я терпел и молчал, но больше я не молчу.
 Пусть меня за это судит вышнее Небо —
 Одного добра, любимый, тебе я хочу!

12

На закате опять была назначена встреча
 Между мною и непришедшим моим дорогим,
 А ведь прежде свое ты дал мне слово,
 Но потом изменил и тайно ушел к другим.
 Разве было бы мне так трудно уйти отсюда,
 Если б не был я ранен непостоянством твоим?

13

Десять «юань» орхидей насадил я в поле
 И другими цветами заполнил сто «му» земли,
 И по десять «ци» засеял трав лечебных,
 Чтобы вместе росли «ду-хэн», «цзе-цзюй» и «лю-и».

14

Пусть их ветви и листья растут привольно!
 Буду ждать веселой жатвы моей.
 Не дождусь — не об этом стану плакать,
 А о том, что бурьян оказался, увы, сильней.

15

Ненасытные толпы, толкаясь, ищут корысти:
 Даже сытый давно опять раскрывает пасть.
 Извиняя себя самого, других осуждая,
 Каждый завистью движим и спорит за честь, за власть.

16

Словно дикие утки, бросаются на добычу...
 Но ведь это не то, чего я умел хотеть!
 Приближается старость и скоро меня настигнет:
 Сделать имя себе я боюсь уже не успеть.

17

Поутру я выпью нависшей росы магнолий,
 Вечеру поем сухих лепестков хризантем.
 Если чувства мои проверены и достойны,
 Исхудать от поста я не побоюсь совсем!

18

Я опавшие «чи» свяжу корнями деревьев,
 Наклонившиеся бутоны «би-ли» поддержу.
 Расправляя стебли «цзюнь-гуй», помогу орхидеям
 И разросшийся плющ веревкой туго свяжу.

19

Признаюсь: я мужам древности подражаю,
 Но обычай века пошел дорогой иной.
 Угодать не стараюсь сегодняшним мелким людям:
 Мой бесстрашный пример — Пэнь Сянь всегда предо
 мной.

20

С долгим вздохом глубоким скрываю слезы:
 Безутешно и я о страданиях плачу людских.
 Я давно обуздал свои порывы и страсти,
 Но и ночью, и днем проклинаят меня за них!

21

Пусть опальный, не расстаюсь с орхидеей
И ношу при себе пучок душистых цветов.
Но за то, что сердце мое считает благом,
Все возможные пытки и смерть я принять готов.

22

Легкомыслием я задею моего дорогого:
Он не хочет в сердца заглянуть своих людей.
А меня обвиняют в распутстве толпы женщин,
Полных зависти к верности и красоте моей.

23

По обычаям века, теперь строитель
Без линейки и циркуля чертит и строит дом,
Без веревки и мела небрежно правит ошибки,
В век развала не обременяя себя трудом!

24

Скорбный, долго колеблюсь, не зная, на что решиться:
Вся огромная боль досталась мне одному.
Утонуть, умереть — я всё предпочту изгнанию,
Жалкой жизни пустой, которой я не приму!

25

Сокола величавы и стаями не летают:
Оттого, что природа их такова.
Не удержится прямоугольник в отверстии круглом.
Два пути разошлись — их навек останется два!

26

Гордым сердцем смирюсь, укрошу надменную волю,
 На себя возложу и смою жгучий позор:
 Мудрой жизнью своей чистоте платя непорочной,
 С мудрецами исполню древний свой уговор.

27

Я спохватываюсь, что бросил путь, не проверив.
 Долго медлил, но время назад идти.
 В колею я снова вправляю мою повозку,
 Не успев далеко уклониться от пути.

28

Мой шагает конь среди орхидей прибрежных
 И взбегает на холм, обсаженный перцем. Стой!
 Не вхожу — не хочу повторных упреков.
 Ухожу за старой одеждой моей простой.

29

Вновь на платье себе я шиваю листья
 Непорочных кувшинок и лотосов, и цветы.
 Не узнает меня теперь ни один придворный
 В этом новом обличи верности и чистоты.

30

Мой убор головной — как гордый утес высокий.
 Пояс очень длинен, и подвесок много на нем.
 И цвета, и запахи выбраны с тонким вкусом.
 Ум и сердце видны в наряде моем.

31

Оглянувшись, я мир обвожу глазами,
 Изумленно смотрю вперед и назад.
 Хорошо подобрал я цвета подвесок,
 Хорошо цветы сливают свой аромат!

32

Каждый любит свое, и каждый любит иное,
 Я же только одно люблю — свою прямоту.
 Пусть меня четвертуют — останусь тем же,
 Я бесстрашие сердца и долг всему предпочту.

33

Убеждает меня сестра-красавица выйти
 Из ненужного боя и долго спорит со мной:
 Говорит, что Кунь погиб за свое упрямство
 И в пустынном месте окончил свой путь земной.

34

Говорит: не стоит быть таким прямодушным
 И с таким превосходством в толпе стоять одному.
 Все приносят к себе в дома лишь сорные травы, —
 Ты стоишь одинок и холоден ко всему.

35

Говорит: мы не можем во все постучаться двери
 И везде объяснить, что в сердце у нас двоих.
 В мире властвуют толпы и любят лишь показное, —
 Ты стоишь один и не слушаешь слов моих!

По стопам мудрецов держусь золотой середины!
 Страшно мне спуститься в страну болот.
 Реки Юань и Сян перейду, подвигаясь к югу,
 Где покоится Шунь: он обиду мою поймет.

Император Ци отцовские песни помнил,
 Но беспечный Кан одной забавы хотел:
 От забот бежал и не строил мудрых расчетов, —
 Оскудела семья и утратила свой удел.

Непоседливый И, повеса, смелый охотник,
 Что травил лисиц на лугах и в чаще лесной...
 Но приводит смута редко к избранной цели —
 Взбунтовался Чжо, очарован его женой!

Беспощадный Цзяо свою показывал силу,
 Но себя самого от страстей не сумел сберечь:
 Он погиб, утонув в распутстве и наслажденьи,
 И его голова однажды упала с плеч...

Император Цзе, нарушитель всех законов,
 Ликовал и пил — и этим гибель навлек.
 Император Синь из людей готовил соленья,
 А ведь день расплаты был уже недалек!

41

Были Тан и Юй благочестивы и строги,
Чжоу держался правды и не отступал,
Возвышая достойных, выдвигая способных,
По устойчивым меркам помощников подбирал.

42

Величавое Небо всеильно и беспристрастно,
Помогает тому, чья добродетель видна.
Только праведнику за его святые деянья
Будет власть над этой огромной страной дана.

43

Я в былое гляжу и преемство событий вижу,
И людские стремленья мне ведомы и ясны.
Разве можно неправедных звать на дело?
А высокие духом — кому послужить должны?

44

От опасности смерти прятаться я не стану.
Никогда угольник не входит прочно в круг.
Вот теперь вынуждают меня раскаяться в прошлом,
Но и раньше соленья из верных делали слуг.

45

Да, я часто боюсь и подолго плачу,
Что теперешний век безумен, страшен и дик.
Орхидею сорвав, стираю горькие слезы,
Что сбегают волнами на пестрый мой воротник.

46

Я встаю на колени на коврик и объявляю,
 Что всегда справедливыми были мои дела.
 Вот, четыре дракона влекут мою колесницу,
 Вот, песчаная буря, обняв, меня подняла!

47

На рассвете я из Цан-у выезжаю,
 Чтобы к вечеру в горы Сянь-пу успеть:
 Там хочу отдохнуть у входа на небо...
 Вдруг померкло солнце, и сразу стало темнеть

48

Задержи, Си Хо, задержи летящее время,
 Не спеши на запад уйти, за гору Янь-цы!
 Утомительна, однообразна моя дорога:
 Я поехал искать, и объеду я все концы.

49

Напою коня в чудесном озере звездном,
 Привязав поводья к вершине горы Фу-сан.
 Срезав прутья «жо-му», начищаю солнце
 И брожу по просторам безвестных стран.

50

Впереди Ван-шу со своей колесницей лунной,
 Позади подгоняет Фэй-лянь со сворой ветров.
 Пара фениксов мне указывает дорогу, —
 Только гром прорычал, что он еще не готов.

51

Пусть же фениксы реют над головою моею
Постоянно — и ночью, и с наступлением дня!
Пусть безумствуют грозы, и в их прорывы
Толпы туч и радуг выйдут встретить меня!

52

Чуть сойдясь, облака разойдутся снова:
В пестрых платьях своих то взлетят, то сойдут совсем.
Отвори же мне, сторож, ворота неба!
Но, к дверям прислонившись, сторож и глух, и нем...

53

Вечерело, когда я, усталый, остановился
И подвязывать стал орхидеи в тени густой...
Беспорядочный мир, где правда вместе с неправдой,
Где достойного губят завистники клеветой!

54

Утром перехожу через Белые Воды,
Восхожу на Лан-фэн и привязываю коня,
А затем, оглянувшись назад, начинаю плакать:
Здесь, на Пике Высоком, нет девушки для меня!

55

Из нефритовых прутиков выйдет много подвесок!
Не опали цветы, но и листьев много уже.
Ко Дворцу Весны подхожу — и вижу служанку:
Пусть она передаст привет своей госпоже.

Пусть на тучу взойдет Фэн-лун проворный
 И узнает, где скрылась дева Фу-фэй.
 В знак помолвки, снимаю шнурок с рукава, с подвеской,
 Поручаю Цзянь Су заняться свадьбой моей.

Но мое сватовство вызывает жаркие споры,
 Своенравная дева мою отвергает дань.
 Вечеру возвращаюсь на отдых к Цюнскому камню,
 Утром волосы мою в потоке горном Ю-пань.

Недотрога прекрасная так надменна,
 Шаловлива и рада веселой своей судьбе,
 А учтивости нет у нее нисколько!
 Я другую невесту, конечно, найду себе.

Обходя четыре крайние точки света,
 Поднимаюсь на небо и снова спускаюсь в ночь,
 И на башне нефритовой я, приглядевшись, вижу
 Императора Жуна прекрасную дочь.

Я послал бы сокола к милой девушке сватом, —
 Птица «дань», ядовитая, мне твердит: не женюсь!
 Лишь сорока трещит, что во всем услужить готова,
 Но сорочьих услуг я очень, очень боюсь!

61

Недоверчивый, я осторожен пуще лисицы:
 Я пошел бы и сам, да обычаи не велят,
 Но я слышу, что фениксы вылетели с дарами
 От Гао Синя — меня, конечно, опередят!

62

Что же? Буду скитаться, бродить без цели,
 Уходить далеко, возвращаться издалека.
 Шао Кан, я слышу, пока еще не женился,
 Обе дочери Юй'я свободны еще пока!

63

Бедны доводами и ненаходчивы сваты,
 Ни один из них расхвалить меня не сумел...
 Беспорядочный мир, завидующий достойным,
 К преимуществам слеп, но видит каждый пробел!

64

Терема далеко от входов и неприступны.
 Даже мудрый об этом не думает государь.
 Пусть же чувства мои затаятся в моем молчаньи,
 Пусть останусь опять непонятым, как и встарь!

65

По гадальной траве и бамбуковым щепкам
 Предскажи мне, Лин-фэнь, кудесник, грядущий день!
 — «Сочетаться должна одна красота с другою,
 Но в любви постоянства нет», — ответил Лин-фэнь.

«В девяти областях обширных, — молвил гадалщик, —
 Разве только здесь ты будешь счастлив, любя?
 Так иди же по всем отдаленным странам:
 Ищущий красоту уцепится за тебя!

В мире нет уголка без трав душистых,
 Для чего горевать о доме былом?» —
 В темном мире, увы, глаза для света незрячи:
 Кто рассмотрит во мне добро в смешеньи со злом?

Люди все в любви и ненависти несходны,
 Но терпимости нет у этих грубых людей,
 И они, набив желудки полынью,
 Не прощают моих подвесок и орхидей.

Не умея ценить неизвестные им растения,
 Разве могут они полюбить редчайший нефрит?
 Чей кошель наполнен всяким навозом,
 Верно, скажет, что шэньский перец — смердит.

Я смирюсь перед вещим словом Лин-фэня,
 Но с лисиц осмотрительных тоже пример возьму:
 Сянь, колдун, говорят, ввечеру сюда приходит, —
 Я душистый жертвенный рис поднесу ему!

71

...Сколько духов! Как ширма, они заслонили небо!
 Дух Горы Девяти Сомнений встречает их.
 В ослепительное пространство вздымаясь,
 Возвещают они движенье судеб моих.

72

Молвил Сянь: — «Восходи и опять снижайся,
 И линейку с циркулем примири.
 Тан и Юй — прославленные государи,
 Но нуждались в помощниках даже эти цари!

73

Если чувство твое нежно и нелицемерно,
 Обойдешься без свата — иди и действуй один!
 Был когда-то Юэ, простой строитель в Фу-яне,
 Но ему поручил свои постройки У-дин.

74

Был когда-то Люй-ван с ножом искусен, —
 С первой встречи Чжоу-вэнь его обласкал.
 Пел Нин-ци простые песни народа,
 И Ци-хуан захотел, чтоб он ему помогал.

75

Посмотри: по годам ты еще не в блеске расцвета.
 Значит, и половины дороги не сделал ты.
 А потом — когда-то еще! — споет пересемешник,
 Перестанут пахнуть и травы, и цветы.

Как прекрасны подвески и эти мои кораллы!
 Но и их своей густотой затемнит толпа
 И сломает их, безжалостна, лицемерна,
 Безрассудна, зла, завистлива и слепа.

В ошалелом мире — смятенье и перемены,
 И зачем я в нем еще остаюсь, живой?
 Несравненные «лань» и «ци» утратили запах,
 Одичав, орхидеи стали сорной травой!

Там, где раньше росли душистые травы,
 Разрослись теперь полынь, бурьян, лебеда,
 Но для этого есть, конечно, одна причина:
 Отодвинут достойный — за это идет беда.

Полагался я слишком, вижу, на орхидеи:
 Благородство снаружи, а спесь внутри у них.
 Как другие, они красоту охотно задушат,
 Чтоб покорно и скучно пахнуть среди других.

Перец, в лести искусный, сразу наглет,
 И в почете полынь у теремов и палат.
 Много, много они боролись за доступ,
 Но какой они с собой несут аромат?

81

Как поток, проносится время, меняя нравы:
 Сохранить неизменность и сильные не смогли!
 Огрубели и сладкий перец, и орхидея,
 Одичали и выродились «цзе-цзюй» и «цзян-ли».

82

Драгоценны, знаю, только мои подвески...
 Красоту разбей — и будешь вновь при дворе:
 Аромат и потом не разойдется, как пена, —
 Он останется здесь напоминать о добре.

83

Этот внутренний лад — источник моей отрады,
 А невесту в скитаньях я себе отыщу.
 Красота и юность — заманчивое богатство:
 С этой ношей моей широкий мир посещу.

84

Мне Лин-фэнь предсказал, что буду очень удачлив:
 Выбрав день счастливый, отправлюсь вниз.
 Ветви дерева «цюн» сойдут за сушеное мясо,
 Замену растворенным нефритом жертвенный рис.

85

Колесницу мою не наскучит влачить дракону,
 Не наскучит дорога нефритовому слону!
 Несогласным сердцам невозможно соединиться:
 За свободой моей улечу в чужую страну.

Я велю повернуть к баснословным горам Куньлуня:
 Бесконечна дорога, и скалы ее теснят.
 Тучи мрачны, но сколько пестрых радуг нарядных!
 И щебечут мои колокольчики и звенят...

Поутру отъезжаем от переправы небесной,
 Вечеру на далекий запад успеть хочу.
 А на крыльях у фениксов столько флажков затейных!
 И летят они дружно, и с ними я долечу.

Вдруг дорога моя потерялась в песках зыбучих.
 Что же? Пусть ведет нас дальше Красный поток,
 А чешуйчатый пусть дракон мостом обернется,
 Хоть и нас Си Хуан переправить тоже бы мог!

Тяжела и длинна утомительная дорога,
 Колесницу гоним наверх с замираньем сердец.
 Поровнявшись с Пучжоу, сворачиваем налево:
 Там, у моря, на западе всем блужданьям конец!

Дальше, дальше! Чеки моих колес — из нефрита.
 Как флажки, облака, и бег не знает границ.
 Правлю сам я своей колесницей восьми драконов,
 А за мною несется тысяча колесниц.

91

Удержу свой пыл и спешить никуда не буду —
 Пусть мой дух парит всё выше и всё вольней! —
 И за песнями Яо, за чинной музыкой Шуня
 Я веселью отдам последние несколько дней!

92

В устрашающем блеске неба всё выше, выше!
 На мгновенье внизу замаячил мой старый дом.
 Я взгрустнул, как о доме соскучившийся возница,
 Чей упрямится конь и шагает дальше с трудом.

93

Ухожу.
 А страна остается без человека.
 Я не признан никем,
 Но зачем-то люблю я свою страну.
 Ею править никто не достоин вместе со мною.
 Как Пэн Сянь, и я в быстрине речной утону.

*Перевод закончен
 3 ноября 1968 года.*

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

1. Звезда Шэ-ти, конечно, не была видна днем, но в Китае, который славился точностью астрономических наблюдений с древнейших времен, было, очевидно, известно, что в этот день звезда была в восхождении.

2. Чжэн-цзэ — «прямое правило»; Лин-цзюнь — гармония духа.

8. Яо и Шунь — мифические древнейшие императоры Золотого века. Цзе и Чжоу — последние государи династий Ся и Инь.

9. «Юань», «му», «ци» — меры площадей. «Духэн», «цзе-цзюй», «лю-и» — лекарственные или просто пахучие растения.

18. «Чи» — растение с душистыми цветами. «Били» — пахучее вьющееся растение. «Цзюнь-гуй» — разновидность мальвы.

19. Пэн Сянь — министр, покончивший самоубийством в знак осуждения жестокостей Чжоу Синя, последнего императора династии Инь.

33. Кунь — упрямый министр легендарного императора Яо, не справившийся с проблемой орошения.

37. Ци — старший сын императора Юй. Кан, сын и преемник Ци, увлекался только охотой и забавами.

38. И — министр императора Юй и его сыновей, знаменитый стрелок в цель, первый царубийца в китайской истории. Чжо, соучастник И, позднее увлекся его женой и убил узурпатора.

39. Цзяо — прославленный силач, считавшийся сыном И. Цюй Юань, повидимому, считает его сыном Чжо от вдовы узурпатора И.

40. Синь (то есть Чжоу Синь) и Цзе (то есть Инь Цзе) — см. примечание к строфе 8.

41. Тан и Юй — основатели династий Шан и Ся. Чжоу — основатель династии Чжоу.

47. Цан-у — в Учжоу в теперешней провинции Гуанси, предполагаемое место погребения императора Шунь. Сянь-пу — вершины гор Куньлунь, куда смертному не положено подниматься.

48. Си Хо — дух, управляющий ходом солнца. Янь-цы — гора, за которой солнце заходит.

49. Фу-сан — гора, из-за которой солнце выходит утром. «Жо-му» — трава, растущая в «черной воде» Южного океана. Ею можно начистить солнце и придать ему больше блеска.

50. Ван-шу — фея, управляющая колесницей луны. Фэй-лянь — дух ветров.

54. Белые Воды — ручей, вытекающий с гор Куньлунь. Лан-фэн — священная вершина в горах Куньлунь.

55. Дворец Весны находится на крайнем востоке.

56. Фэн-лун — дух дождя, носящийся на облаках. Фу Фэй — фея ручьев, дочь легендарного первого императора Фу Си, утонувшая в реке. Цзянь Су, по видимому, слуга Цюй Юаня.

59. Император Жун и его дочь — мифические лица.

60. Птица «дань» питается ядовитыми змеями.

61. Гао Синь — отец легендарного императора Яо.

62. Шао Кан — шестой император династии Ся, убитый Чжо (см. примечание к строфе 38). Ю и Юй, из фамилии императора Юй, стали женами Шао Кана.

65. Лин-фэнь — по-видимому, гадалщик вообще.

70. Сянь — известный шаман.

71. Гора Девяти Сомнений — место погребения Шуня.

73. Юэ — прославленный строитель. Император У-дин увидел его в вешем сне и вызвал к себе.

74. Люй-ван — мясник, которого Чжоу-вэнь встретил во время охоты. Нин-ци, бродячий певец, пел песни Яо и Шуня, за что Хуан, герцог Ци, приблизил его к себе.

77. «Лань» и «ци» — пахучие растения.

81. «Цзян-ли» — пахучая трава из семейства зонтичных.

88. Красный поток вытекает с гор Куньлунь и находится в теперешней Монголии. Си Хуан — дух осени.

89. Пучжоу находится к северо-западу от гор Куньлунь.

90. Выезд императора составлял десять тысяч колесниц. Выезд владетельного князя — тысячу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Имя Цюй Юаня пользуется в Китае величайшим почетом, — как в России, скажем, имена князя Пожарского, Кузьмы Минина, Ивана Сусанина, протопопа Аввакума: таких разных — и таких сходных по цельности. О великом поэте Цюй Юане и его трагедии знает каждый китаец начиная со школьного возраста.

Писали о нем и многие поэты. Среди сотен переведенных мною «ши» и «цы» есть одно — «Сань-люймiao» поэта Дай Шу-лунь, по прозвищу Ю-гун, жившего во времена Танской династии, уроженца города Жуньчжоу. Заглавие этого стихотворения означает «Храм Трех Ворот», существовавший в теперешнем уезде Чжицзян провинции Хунань — посвященный трем царственным родам Чжао, Цюй и Цзин.

В подлиннике коротенькое классическое «ши» Дай Шу-луна звучит так:

Юань	Сян	лю	бу	цзинь
Цюй	цзы	юань	хэ	шэнь
жи	му	цю	фэн	ци
сяо	сяо	фэн	шу	линь

(Антология «Цзянь-цзя-ши» — Стихи тысячи поэтов — страница 28). В моем переводе (сделанном 13 ноября 1972 года):

У ХРАМА ЦЮЙ ЮАНЯ

Неистошимо реки Юань и Сян,
Тоска Цюй Юаня так же глубока.
Сейчас о нем по кленам зашуршат
Вечерние порывы ветерка.

Валерий Перелешин

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	3
ЛИ САО	5
Примечания переводчика	24
Послесловие	27

КНИГИ ВАЛЕРИЯ ПЕРЕЛЕШИНА

РАСПРОДАНЫ

- В ПУТИ — первый сборник стихотворений (1937)
ДОБРЫЙ УЛЕЙ — второй сборник стихотворений (1939)
СКАЗАНИЕ СТАРОГО МОРЯКА — перевод поэмы С. Т.
Кольриджа (1940)
ЗВЕЗДА НАД МОРЕМ — третий сборник стихотворений
(1941)
ЖЕРТВА — четвертый сборник стихотворений (1944)

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ

(по три доллара)

- ЮЖНЫЙ ДОМ — пятый сборник стихотворений (1968)
СТИХИ НА ВЕЕРЕ — антология китайской классической
поэзии (1970)
КАЧЕЛЬ — шестой сборник стихотворений (1971)
ЗАПОВЕДНИК — седьмой сборник стихотворений (1972)
С ГОРЫ НЕВО — восьмой сборник стихотворений (1975)

ПРИГОТОВЛЕННЫ К ПЕЧАТИ

- ДАО-ДЭ-ЦЗИН — стихотворный перевод (с китайского)
ЦАРЬ САУЛ — драматическая поэма
ДУХОВНАЯ ПЕСНЬ — перевод поэмы св. Иоанна от Креста
(с испанского)
ТЕНЬ НА ЗАНАВЕСКЕ — вторая антология китайской клас-
сической поэзии
ЮЖНЫЙ КРЕСТ — антология бразильской поэзии
СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ — сборник персидских четверостиший и
газели
АРИЭЛЬ — девятый сборник стихотворений
АНГЛИЙСКИЕ СОНЕТЫ ФЕРНАНДО ПЕССОА

Цена поэмы «Ли Сао» — пять ам. долларов

